

АВАНТИТУЛ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
КНИЖНЫХ СЕРИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

И. Н. Тасмагамбетов (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
С. Т. Тауекел (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
С. Э. Зиманов
Д. А. Калетаев
А. Кекильбаев
М. Б. Кенжегузин
С. А. Каскабасов
М. К. Койгелдиев
Е. М. Косубаев
М. А. Кул-Мухаммед
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпеисов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
К. С. Султанов
О. О. Сулейменов
К. Ш. Хусаинов

ББК 63.3
П 62

**Секция “История и этнография”
Государственной программы
“Культурное наследие”**

М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составление, транскрипция скорописи XV–XVII вв.,
специальное редактирование текстов, вступительная статья,
комментарии и составление словников указателей *А. И. Исина*

Научный редактор
М. К. Койгелдиев

П 0503000000
00(05)-05

ББК 63.3

ISBN 9965-699-79-8

© Исин А. И., составление, транскрипция
скорописи, специальное редактирование
текстов, вступительная статья, комментарии
и составление словников указателей, 2005
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

История казахского народа и других бывших кочевых народов Великой Степи является органичной частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории соседних южных и юго-восточных государств Центрально-Азиатского региона и славянских государств Восточной Европы. В XVI—XIX вв. большинство этих народов вошло в состав многонациональной Российской империи, где со временем сложилось общее для них геополитическое пространство. В течение последних пяти веков тесная взаимосвязь жизни Леса и Степи выразилась в относительном сходстве, а затем – и в общности исторических судеб славянских и тюркских народов бывшего Советского Союза, что нашло отражение в их культурно-исторических памятниках. Вполне закономерно, что среди огромного массива исторических документов различных государств, посвященных казахскому народу и Казахстану, с давних времен наиболее видное место занимает комплекс разнообразных письменных и изобразительных материалов, созданных в разное время на территории Российского государства и отложившихся в фондах государственных учреждений бывшей Российской империи и СССР. В него вошли оригинальные русскоязычные (рукописные и печатные) источники, составителями которых были сами традиционные носители русского языка, а также многочисленные русские переводы различных восточных материалов вместе с их оригиналами, написанными на литературном чагатайском тюрки, персидском и монгольском языках. К ним относятся официальные послания правителей Казахского, Джунгарского, Калмыцкого и среднеазиатских ханств царскому правительству,

родословные списки и графические схемы генеалогии правящей элиты этих государств, отдельные географические карты, служебные отчеты и путевые дневники российских чиновников-мусульман, двуязычные записи казахских народных преданий и прочие материалы. Следует отметить, что широко бытующее до сих пор среди обществоведов Казахстана определение всей вышеобозначенной совокупности письменных памятников (“русские источники” носит в значительной мере условный характер и не передает их многих важных культурно-исторических особенностей).

Начало более или менее регулярному накоплению письменных материалов о Казахстане в России было положено в XVI в., когда возникло самостоятельное Казахское ханство и установились непосредственные казахско-русские межгосударственные отношения. В период XVI – начала XVIII в. разнообразные документы, имевшие прямое или косвенное отношение к казахам, откладывались преимущественно в фондах Посольского приказа Московского государства, а приблизительно с середины XVII в. – и в воеводских канцеляриях приграничных поволжских и сибирских городов: Казани, Астрахани, Тюмени, Томска и Тобольска. Сюда в первую очередь прибывали различные посланники из Степи и привозили с собой послания своих ханов и султанов. Однако из-за частых пожаров в Москве и городах Западной Сибири “списки” посольских материалов, хранившихся, как правило, в деревянных помещениях, уже к концу XVIII в. были почти полностью утрачены для науки. Поэтому история Казахстана периода XVI – первой трети XVIII в. представлена сегодня лишь небольшим количеством русских посольских документов, за редким исключением находящихся в Москве и Санкт-Петербурге и разбросанных по нескольким федеральным архивам.

После вступления казахских ханств под государственный протекторат России число российских дипломатических документов, освещавших историческую жизнь Казахской степи, резко увеличилось. Вместе с этим произошли кардинальные изменения и в составе самого корпуса материалов, которые оказали существенное влияние на внутреннюю структуру и содержание каждого из них. В это время под влиянием петровских преобра-

зований такие формы дипломатической документации, как грамоты, “статейные списки” русских послов, эпизодические “отписки воевод” и местное летописание, стали быстро отходить на второй план. Вместо них за короткий срок вошли в систему постоянные доношения, рапорты и отчеты царских чиновников с мест, тематико-хронологические журналы и путевые дневники российских посланников в соседние азиатские страны; протокольные “журналы” и “церемониальные записки” дипломатических встреч, записи расспросных показаний (“сказок”) приезжих азиатских торговцев и разного рода “бывалых людей” и многие другие разновидности делопроизводственных формуляров. Наряду с усложнением корпуса дипломатических документов в России с середины XVIII в. стали появляться научные сочинения географического и историко-этнографического содержания, в том числе непосредственно посвященные казахскому народу и Казахстану, а также историческая публицистика, статистика, периодическая печать, мемуаристика и художественная литература.

Наибольшее количество всех перечисленных разновидностей исторической информации периода присоединения казахских жузов к России сосредоточено в нескольких центральных архивах современной Российской Федерации (АВПРИ, РГАДА, РГВИА, Архив ПФ РАН, РГИА), расположенных в Москве и Санкт-Петербурге. В состав этих крупных документальных комплексов вошел целый ряд ценнейших письменных, картографических и изобразительных источников по истории и исторической географии Казахстана, имеющих приоритетное значение для современной науки. Кроме того, большие комплексы исторических документов о Казахстане и казахах отложились в фондах пограничных комиссий и губернских канцелярий в Оренбурге (с 40-х гг. XVIII в.), Астрахани (с начала XVIII в.) и Омске (с 50-х гг. XVIII в.), где представлены самые разнообразные виды источников по истории и культуре казахов и русского переселенческого населения Казахстана середины XVIII – первой четверти XIX века.

Во второй половине XIX – начале XX в. архивные хранилища Оренбурга, Астрахани и Омска впервые обследовали такие видные специалисты своего времени в области истории и этно-

графии Центральной Азии, как Я. В. Ханьков, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Григорьев, Л. Л. Мейер, И. И. Крафт, В. Н. Витевский, А. И. Добросмыслов, А. Е. Алекторов, Г. Н. Потанин, Г. Е. Катанаев, Н. Я. Коншин и А. Н. Букейханов. Они плодотворно использовали выявленные там материалы для подготовки своих трудов по истории Казахстана и публиковали некоторые исторические документы о казахах в столичной и провинциальной печати.

В отличие от архивных документов российской глубинки фонды “киргиз-кайсацких дел” Московского Архива МИД Российской империи до 1917 г. были практически неизвестными историкам-востоковедам, так как доступ в этот элитный архив предоставлялся лишь с разрешения военного министра или даже самого царя. Никто из авторов дореволюционных исследований по истории и этнографии Казахстана, за исключением А. И. Левшина (1797–1879 гг.), три года прослужившего в Министерстве иностранных дел, не смог не только опубликовать его архивные документы в российской печати, но даже непосредственно познакомиться с содержанием “киргиз-кайсацких дел”.

В советский период фонды бывшего столичного архива МИД Российской империи и других центральных архивов СССР стали более доступными для специалистов-ученых. Благодаря этому в 40–80-х гг. XX в. многие выявленные в них исторические документы XVIII – первой половины XIX в. были основательно использованы советскими историками в научных статьях и монографиях по разным проблемам истории Казахстана и частично изданы в фундаментальных тематических сборниках в Москве и Алма-Ате. К числу таких изданий принадлежат два тома “Материалов по истории Казахской ССР” (Т. 4. 1785–1828 гг. М.-Л. 1940; Т. 2. Ч. 2. 1741–1751 гг. А.-А., 1948), подготовленные известным историком М. П. Вяткиным; “Материалы по истории политического строя Казахстана” (Т. 1. А.-А., 1960), составленные юристом М. Г. Масевич, под редакцией С. З. Зиманова; “Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.” (А.-А., 1961) и “Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.” (А.-А., 1964), составителями которых являлись Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова, Г. И. Семенюк и Т. Ж. Шоинбаев, под редакцией

В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева и Т. Ж. Шоинбаева; “Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.” в двух книгах (М., 1989), составители Б. П. Гуревич и В. А. Моисеев и “Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в.” в двух частях (А.-А., 1989), составители К. Ш. Хафизова и В. А. Моисеев. Эти документальные сборники сыграли важную роль в системном археографическом обеспечении советских историков необходимой им аутентичной информацией по широкому кругу вопросов истории Центральной Азии и немало способствовали плодотворному развитию в Казахстане специальных исторических и историко-этнографических исследований.

В сравнении с эпохой позднего средневековья и началом нового времени история Казахстана второй четверти XIX–XX вв. намного более фундаментально и многопланово отражена в доступных современным историкам дореволюционных российских и советских источниках.

Абсолютное большинство письменных памятников двух этих исторических периодов отложилось в разные годы на территории казахстанского региона, где они в настоящее время сосредоточены в двух центральных государственных архивах – ЦГА РК (дореволюционные и советские материалы), Архиве Президента РК (материалы партийных органов Казахской ССР) – и многих областных и городских архивах Республики Казахстан. Кроме того, в связи с интенсивным развитием издательского дела в Российской империи и появлением частных типографий во многих уездных городах страны некоторые архивные документы о Казахстане и казахах, а также публицистика, мемуары, путевые очерки, статьи, исторические монографии и фольклорные материалы с начала 40-х гг. XIX в. стали печататься в провинциальных газетах и журналах, “обзорах статистических комитетов” и “памятных книжках областей” и выходить в свет отдельными изданиями. Многие из дореволюционных периодических изданий сохранились в фундаментальных научных библиотеках Казахстана и сейчас являются доступными для всех интересующихся ими лиц. В то же время такие российские газеты и журналы областного значения, как, например, “Тургайская газета”, “Волжско-Камская газета”, “Оренбургский край”, “Оренбург-

ский листок”, “Астраханский вестник”, “Уральские войсковые ведомости” и другие, либо полностью отсутствуют в национальном библиотечном фонде Казахстана, либо представлены в нем отдельными единичными выпусками, что в известной мере осложняет процессы выявления и систематизации необходимых для исследования истории региона печатных источников.

В течение последующих семидесяти лет XX в. историческая жизнь народов Казахстана постоянно находилась в объективе партийных и советских средств массовой информации и получила достаточно широкое освещение в большом массиве делопроизводственных документов и самых разных жанрах печатных материалов своего времени. Однако при этом процесс накопления и изучения исторических источников происходил под сильным давлением тоталитарного режима, который наложил глубокий отпечаток на состояние источниковой и археографической базы исторических исследований в Казахской ССР, содержание научных знаний в области отечественной истории и этнографии и характер труда профессиональных историков. Так, из-за многолетних идеологических запретов и ограничений в сфере получения и практического использования необходимой для развития науки исторической информации огромный пласт документальных материалов по истории антиколониального движения казахов XIX – начала XX в. и политических репрессий советского государства против отдельных социальных групп и целых народов страны более позднего периода, отложившийся в центральных союзных и казахстанских архивах, до конца прошлого столетия был фактически закрыт для специалистов-историков и не разрабатывался ими более сорока лет. Хотя тотальный идеологический контроль советской партийно-государственной системы был не в состоянии полностью искоренить историческую память казахов и других народов республики о своем героическом и трагическом прошлом, он, тем не менее, способствовал деформации научных знаний о колониальной и советской эпохах истории Казахстана. Это выразилось главным образом в многолетнем тенденциозном игнорировании различных преступлений российского абсолютистского и тоталитарного режимов, а то и в прямой идеализации их роли в историческом развитии народов бывшего СССР, которая получила широкое распространение в советской

научной литературе 50–70-х гг. прошлого века и до сих пор имеет место в публикациях части гуманитариев постсоветских государств. К другим серьезным негативным последствиям многолетнего тотального господства официальной идеологии в гуманитарных науках следует отнести появление у многих представителей интеллектуальной общественности бывшего СССР пренебрежительного отношения к историческому источнику и историческому факту, породившего стремление у некоторых из них подменить кропотливый исследовательский поиск исторической истины в научных библиотеках и архивах скороспелыми умозрительными схемами и мифологемами, нередко граничащими с этническим нарциссизмом и мессианскими настроениями.

С первых лет обретения Казахстаном суверенного политического статуса в обществе и государстве стало складываться отчетливое понимание того, что процесс выявления новых исторических источников и издание их в различных тематических и хронологических сборниках являются необходимыми условиями для развития полноценных исторических исследований и формирования чувства государственного патриотизма и национальной идентичности у граждан страны. Это выразилось в интенсивной археографической деятельности Центрального Государственного архива, Архива Президента и Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Республики Казахстан, которые за короткий срок подготовили и опубликовали целый ряд специальных историко-документальных сборников, посвященных наиболее актуальным и малоизученным аспектам истории Казахстана нового и новейшего времени. В числе этих публикаций необходимо отметить такие крупные комплексные издания исторических документов и материалов, как “Народно-освободительное движение казахов в 1836–1838 годах” (А., 1992), “Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова” (А., 1996), “Из истории немцев Казахстана. 1921–1975 гг.” (А.-М., 1997), “Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.” (А., 1998), “Грозный 1916 год” (В 2 т. А., 1998), “Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931–1933 гг.” (А., 1998), “Из истории поляков в Казахстане. 1936–1956 гг.” (А., 2000), “История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.” (А., 2002), “Страницы тра-

гических судеб. Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-х гг.” (А., 2002), “Исатай-Махамбет. 1801–1848” (А., 2003), “Алаш қозғалысы. Движение Алаш” (Т. 1. А., 2004; Т. 2. А., 2006, в печати) и многие другие. Кроме того, в Казахстане за это время вышли в свет отдельные издания русских источников XVIII в. (“Описание Средней орды киргиз-кайсаков” И. Г. Андреева. А., 1998), а также были переизданы труды наиболее крупных дореволюционных и советских историков (“Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей” А. И. Левшина; сочинения М. С. Бабаджанова, М. Тынышпаева, А. Н. Букейханова, Х. Досмухамедова, О. Альджанова и др.) и некоторые сборники историко-этнографических материалов (Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. С. Д. Асфендиярова и П. А. Кунте. А., 1997; Материалы по казахскому обычному праву. А., 1998).

Таким образом, за годы независимости в Казахстане благодаря целеустремленной подвижнической деятельности широкого круга историков-архивистов и профессиональных исследователей-ученых были сделаны серьезные усилия по созданию добротной археографической основы для развития национальной исторической науки и исторического образования в вузах и школах страны. В ходе проделанной работы был накоплен необходимый опыт по системному выявлению, сбору и обработке русскоязычных исторических источников, четко обозначены приоритетные направления их дальнейших эвристических поисков в культурно-информационном пространстве СНГ и определены основные критерии отбора исторического материала для последующих фундаментальных изданий русскоязычных письменных памятников. Этот археографический опыт приобрел в последнее время более актуальное и масштабное научно-практическое значение в свете инициированной Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым Государственной программы “Культурное наследие” и был использован членами секции “История и этнография” при формировании настоящего десяти томного издания документов и материалов “История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков”.

В состав серийного десяти томника вошли рукописные и печатные материалы эпохи позднего средневековья, нового и но-

вейшего времени, извлеченные из крупнейших архивов и фундаментальных библиотек Российской Федерации и частично – из центральных государственных архивохранилищ Республики Казахстан. Среди впервые публикуемых архивных источников по истории и культуре Казахстана основное место занимают дипломатические документы центральных и местных официальных ведомств дореволюционной России, а также специальные географические и историко-этнографические труды о казахском народе видных российских исследователей середины XVIII – первой половины XIX в., побывавших в разное время в Казахской степи. Из ранее опубликованных здесь представлены главным образом раритетные материалы некоторых дореволюционных газет и журналов, которые сохранились до наших дней только в библиотеках Санкт-Петербурга или Москвы в одном-двух экземплярах и являются почти недоступными для широкого круга общественников Казахстана.

Выше уже отмечалось, что все русскоязычные источники по истории Казахстана нового и новейшего времени заметно отличаются друг от друга по своей жанрово-видовой принадлежности. Каждый вид – официальное доношение, отчет, тематический журнал, историческое сочинение, очерк, статья, послужной список и т. д. – имеет свою особую форму подачи и распределения материала, свой специфический способ отражения исторической действительности, свои преимущества и недостатки. Для воссоздания более или менее полной и объективной картины прошлого необходимо комплексное использование историком всех разнородных источников по одной и той же тематике, которые взаимно дополняют и уточняют друг друга. Исходя из данного принципа, члены секции “История и этнография” и коллектив составителей десяти томника включили в него самые разнообразные виды материалов: дипломатические документы, летописи, путевые дневники, тематико-хронологические журналы, историко-этнографические очерки и монографии, статьи, “алфавитные” и “формулярные” списки, записи произведений народного фольклора, автобиографии должностных лиц, – так как все они, взятые в совокупности, более многопланово и рельефно отражают характерные черты освещаемой эпохи.

Структура десяти томного издания построена на сочетании хронологического и жанрово-видового принципов распределения материала: в состав двух первых томов вошли разнообразные источники эпохи самостоятельного Казахского государства (последняя четверть XV — первая треть XVIII в.), в состав третьего-седьмого томов — документы периода присоединения Казахстана к России (30-е гг. XVIII — сер. XIX в.), восьмой и девятый тома составили материалы колониальной эпохи, охватывающей вторую половину XIX — начало XX в., десятый том — документы советского тоталитарного периода (1917—1957 гг.). Внутри этих блоков материал распределен по определенным жанрово-видовым группам с учетом численного преобладания и наибольшего информативного значения какой-либо одной или двух групп по отношению к другим видам документальных источников своего времени. Так, наиболее распространенными и самыми емкими по содержанию формами исторических документов о Казахстане и казахах периода XVI — первой трети XVIII в. являются статейные списки послов и отписки местных воевод, для 30—50-х гг. XVIII в. — однотипные с ними источники и тематико-хронологические журналы царских чиновников и дипломатов, для второй половины XVIII — середины XIX в. — специальные исторические сочинения, очерки, статьи и т. д. Все эти типологические особенности состава корпуса исторических материалов каждого хронологического периода, а также наличие предыдущих изданий многих дипломатических и делопроизводственных документов XVIII—XIX вв. были учтены при формировании структуры десяти томника.

В процессе работы над этим документальным изданием творческий коллектив составителей исходил из необходимости ознакомления современной интеллектуальной общественности республики и подрастающего поколения казахстанцев с наиболее оригинальными источниками по истории и культуре казахского края, отличающимися определенной новизной и богатством конкретно-исторических сведений о Казахстане и казахах. Именно поэтому основными критериями отбора документальных материалов для десяти томника являлись достоверный и репрезентативный характер содержащейся в них исторической информации, основанной на непосредственных наблюдениях очевидцев или специальных

полевых исследованиях; широкое многообразие освещаемой комплексов этих памятников исторической тематики; более или менее равномерный охват различных географических регионов Казахстана; высокая степень познавательной и практической значимости выявленных материалов и их труднодоступность по причине большой географической удаленности казахстанского региона от места хранения данной категории документов или сложного специфического письма рукописей для широкого круга современных отечественных ученых-обществоведов и преподавателей вузов и школ. При составлении трех томов, посвященных истории Казахстана периода XVIII – первой половины XIX в., который представлен в археографических изданиях главным образом комплексом дипломатических и других делопроизводственных материалов, определенное предпочтение отдавалось малоизвестным рукописным сочинениям многопланового характера, содержащим обширную информацию по широкому кругу проблем истории, этнографии и исторической географии Казахстана, а также тем источникам, в которых представлено наиболее детализированное описание различных сторон общественно-политической жизни, международных связей, быта и культуры кочевого населения региона в разные хронологические периоды.

Немаловажное значение при составлении десяти томного издания придавалось и выбору авторов публикуемых исторических материалов. В нем представлены (наряду со многими безвестными мелкими чиновниками и канцелярскими служащими дореволюционной России и СССР) наиболее компетентные и относительно объективные знатоки истории и культуры казахстанского региона своего времени, оставившие заметный след в накоплении и развитии разносторонних исторических знаний о Казахстане в российской и мировой науке. К их числу принадлежат знаменитый “Колумб Оренбургского края”, первый член-корреспондент Российской Академии наук П. И. Рычков; видный российский дипломат татарского происхождения первой половины XVIII в. А. И. Тевкелев; участник Академических экспедиций 1768–1774 гг., талантливый этнограф Х. Барданес; известный путешественник начала XIX в. Я. П. Гавердовский; крупный ученый и путешественник второй половины XIX в. Г. Н. Потанин и другие авторитетные исследователи края.

Археографическая обработка русскоязычных источников каждого исторического периода, представленных в десятитомном издании, имеет определенную специфику, которая отражена в «Правилах издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Эти правила сохранили в настоящее время свое нормативное значение для профессиональных историков на всем культурно-историческом пространстве бывшего Советского Союза. Характерные особенности научного оформления разных групп исторических памятников указаны составителями в предисловии к основному содержанию. Каждый том включает в себя тексты публикуемых источников, научные комментарии к ним, вводный историографический очерк, список использованной литературы, список сокращенных наименований, указатели имен и географических названий. Все тома снабжены оригинальными изобразительными и фотоматериалами, многие из которых публикуются впервые. В первом томе содержание ряда документов проиллюстрировано новейшими аэрофотоснимками городища Сарайшык и городищ присырдарьинского региона позднесредневекового периода, во втором и третьем томах — отличными репродукциями картин художника-иезуита XVIII в. Джузеппе Кастильони (портрет джунгарского хана Даваца, «Праздничный пир... по поводу победы Цинов над Джунгарией», «Летающий в атаку джунгарский воин») из французского издания Мишеля Берделе (*Michel Beurdeley. Peintres Jésuites en Chine au XVIII-e siècle. Paris, 1997*). Руководитель серии выражает глубокую благодарность своим казахстанским (Е. А. Смагулову, Э. С. Самашеву, Р. Сала, Ж.-М. Деому) и французским (М. Берделе, В. Фурньо и И. Ландри-Дерон) коллегам.

Члены секции «История и этнография» и коллектив составителей десятитомника надеются, что их труд внесет определенный вклад в успешную реализацию Государственной программы «Культурное наследие» и предоставит возможность казахстанцам прикоснуться к наиболее интересным и оригинальным памятникам их далекого и относительно недавнего прошлого.

И. В. Ерофеева, к. и. н., доцент, руководитель серии
«История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков»
Государственной программы «Культурное наследие»

**Русские источники XV–XVII вв. о Казахстане.
Материалы по международным связям
Московского государства**

Документы по межгосударственным связям Московского государства в XV–XVII вв., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, бывший ЦГАДА СССР), представляют собой весьма значительный и обширный материал, без изучения которого невозможно понять историю многих политических образований Евразии. Значительное число этих документов было сформировано и находилось в Посольском приказе и царском архиве Московского государства.

В посольской документации Московского государства исключительно важное место занимают посольские книги. Каждая из них является обработанным позже сводом документов по межгосударственным связям, составленным по странам в хронологической последовательности. Так возникли и имели продолжение книги крымские, ногайские и целый ряд других. В ящике 38-м царского архива (по описи конца XVI в.) хранились “книги казацкие при Касыме-царе”, книги казахские, т. е. сборники текстов по межгосударственным связям Московской Руси и Казахского ханства, не дошедшие до наших времен.

Посольские книги Московского государства, в целом подробно охарактеризованные в трудах Н. М. Рогожина (Рогожин, 1990; 1994), составлялись на основе первоисточников посольских документов (так называемых черных столбцов, наказов, памятей, статейных или вестевых списков, подлинников, копий, переводов посланий по межгосударственным связям и др.), большинство из которых не сохранилось. В книгу вносились сведения о прибытии или отправлении послов и гонцов с указанием дат, имен посланников и других сотрудников дипломатической службы. Нередко

описывался посольский церемониал. Все это формирует комплекс документов, по отношению к которому в целом и его частям в отдельности применимо понятие “подлинник”.

По своему составу документы посольских книг подразделяются на две группы. В группу “приезд” включались отписки, статейные (вестевые) списки, списки посланников, расспросные речи, тексты посланий иноземных правителей в переводе. В группе документов “отпуск” центральное место занимали памяти и наказы с заранее подготовленными речами и ответами московских посланников на возможные вопросы, послания главам иностранных государств и их влиятельным лицам. Исходя из сложившихся обстоятельств и полученных новостей, в тексты речей и инструктивные документы новыми отправками вносились дополнения или изменения.

Материалы Московского приказа включают в свой состав тексты посланий правителей других стран. И если в посольской книге дается русский перевод текстов, выполненный дьяками, то в столбцах в ряде случаев наряду с переводными текстами сохранились и оригиналы посланий, полученных в Москве. Поэтому термин “русские источники” применим к подлинникам переводов достаточно условно: фактически историк работает с письменными документами, объединенными в комплекс в силу особенностей ведения посольской документации в Московском государстве.

Основными материалами о казахах и Казахском ханстве являются документы по связям Московского государства с Ногайской Ордой, Крымским ханством, Османской империей, а в XVII в. – еще и с западно-монгольскими (ойрато-джунгарскими) правителями. Что касается документации по связям с Казахским ханством, то многие документы XVI в. были утеряны или сгорели в огне московских пожаров. Фонд казахских (“киргиз-кайсацких”) дел РГАДА, как известно, ограничен лишь материалами посольств 1594–1595 гг., после чего следует более чем столетний пробел. Материалы по дипломатическим связям России с Казахстаном в конце XVII в., при Тауке-хане, хранились рассредоточенно в сибирских центрах России и не были сформированы в сборник. Это в свое время крайне затруднило изучение казахстанской истории XVI–XVII веков.

Фрагментарные сведения о Казахском ханстве имеются и в материалах Посольского приказа по связям с Польско-Литовским государством, Швецией, Персией и некоторыми другими европейскими и азиатскими странами.

Значительное количество этих материалов неопубликовано. Читением рукописей посольских документов и их изданием занимался небольшой круг исследователей и архивистов XVIII–XX веков.

В Казахстане слабы традиции обращения к подобного рода источникам. Не было осмыслено значение публикаций текстов конца XVIII – начала XX в., ставших библиографической редкостью. В имеющихся исследованиях фигурируют в основном небольшие фрагменты, введенные в научный оборот еще Н. М. Карамзиным и В. В. Вельяминовым-Зерновым. Из казахстанских исследователей составитель настоящего тома был первым, кто обратился к рукописям посольских книг и столбцов, работая в фондах РГАДА с 1983 года.

Посольские книги и столбцы очень важны для исследователей, потому что по отдельным периодам истории Казахстана, Казахского ханства и казахов они содержат наиболее точные сведения. Охват имен этнополитических, родоплеменных и географических названий в них столь велик, что здесь с русскими источниками трудно сопоставить что-либо кроме казахских генеалогических преданий и шежире. Восточные нарративы (произведения средневековой историографии) не дают столько подробностей и не описывают те дела, которые вершили неведомые им рыцарствующие люди из народа. Есть определенные преимущества русских документов XV–XVII вв. и в сравнении с казахскими шежире. Многие реальные исторические лица, фиксируемые в них, представлены в казахских шежире скорее как легендарные личности, прародители племен и родов. Их реальная деятельность в казахском историческом мышлении трансформировалась, перейдя из сферы фактов и событий в сферу представлений народа о своем происхождении. Сравнительное изучение русских средневековых текстов XV–XVII вв. и традиционных казахских шежире, имеющих также многовековую ретроспективу времени, дает значительный научный результат,

позволяя понять, в частности, какие группы кочевников формировали средневековое казахское население.

Издание посольских книг по связям Московского государства с Крымским ханством (крымские посольские книги) могло бы стать многотомным. Эти источники бесценны, в первую очередь, для изучения русско-крымских отношений, создания научной истории Крымского ханства, крымско-татарского народа и истории средневековой Украины.

В составе Крымского ханства и вне его пределов постоянно кочевали ногаи. Непосредственные политические казахско-крымские связи установил, видимо, Касым-хан. Публикуемые документы прямо указывают на факт казахско-крымских связей в 1523 г., спустя два года после смерти Касыма, при его преемниках. Документы помогают понять взаимоотношения Астрахани, Большой Ногайской Орды, алтыулов и казахов на протяжении XVI века.

Посольские книги крымских дел РГАДА в своей массе не опубликованы до сих пор. Исключение составляют материалы первых пяти книг, известных по публикациям конца XIX века (Сб. ИРИО. Т. 41, 95).

Объем текстов крымских дел велик, а сведения о Казахском ханстве и казахах в них фрагментарны, поэтому в данном сборнике приводится выборка по материалам фонда с предпочтением неопубликованных книг.

В сборник включены далеко не все обширные сведения о ногаях и Ногайской Орде, особенно о западных ее частях (Малой Ногайской Орде, или Казыевом улусе). В процессе работы отбирались фрагменты, которые проливают свет на ногайско-казахские политические отношения, историю восточных ногайских улусов, племенных групп, которые ушли к казахам, в среднеазиатские владения или могли непосредственно контактировать с ними, а также те сюжеты, в которых содержится информация о кочевьях на территории современного Казахстана.

Такая работа проделана и по другим фондам. Ногайский, башкортский, западносибирский, татарский, другие тюркские, так же как и западномонгольский (ойратский, джунгарский,

калмыцкий), компоненты этнического формирования и развития казахского народа не изучены. Все эти народы, включая великий русский, братские. Казахи стали крупнейшим степным этносом, вбирая в свой состав части народов, которые, так или иначе попадая в сферу влияния Казахского ханства, контактировали с ним на протяжении ряда веков.

Очевидна была целесообразность включения в эту подборку материалов той части текстов посольских книг, где фигурируют лица, известные по казахским шежирам как родоначальники, предки или имеющие отношение к истории казахской литературы. Выявлены, в частности, сведения о крымском царевице Чобане (в ногайской и казахской литературе существует произведение “Ер Шобан”) и Досмамбете (его произведения распространились среди ногайцев и казахов, казахи восприняли его как своего жырау). Доспамбет (в казахской транскрипции) имел почетный титул “ага”. Его политическая деятельность заслуживает внимания, она отражена в публикуемых источниках. Литературоведы приводят различные датировки его жизни. Публикуемые документы способны прояснить вопрос.

Характеризуя степень освещенности событий и процессов, связанных с историей Казахского ханства, необходимо учитывать, что посольские книги и столбцы содержат хронологические пробелы. К примеру, крымские книги Посольского приказа Русского государства имеют “зазоры”, самые значительные из которых в XVI в. приходятся на 1540–1544, 1549–1561, 1579–1587 годы.

На возникновение пробелов влияло чаще всего не отсутствие связей (с Крымом они были, например, постоянными), а гибель документов, как это бывало в годы Смуты начала XVII века. Немало документов унес и пожар в Москве 3 мая 1626 года. А в конце XVI в. по причине некоторого ослабления государственной дисциплины в Посольском приказе ухудшается обработка документов, замедляется, а затем и вовсе прекращается составление посольских книг. В XVII в. существовали уже другие порядки ведения и накопления посольской документации.

Посольские книги по связям с Ногайской Ордой (ногайские посольские книги) составляют основу фонда Ногайских дел РГАДА, охватывая период с 1489 по 1582 год. Собственно с ногайских дел и началась публикация фондов Посольского приказа. Книги со второй по седьмую и начало книги восьмой публиковались на рубеже XVIII–XIX вв. в “Продолжениях древней российской вивлиофики” (СПб., 1791, 1793, 1795, 1801, ч. 7–10), изданных А. Новиковым. Эта публикация очень хорошо послужила науке и не потеряла своего значения в настоящее время. К недостаткам издания следует отнести передачу многих текстов в изложении, многочисленные искажения рукописных документов и другие, неизбежные на заре развития востоковедной науки, ошибки.

В конце XVIII в. ряд страниц из ногайской посольской книги опубликовал также князь М. Щербатов как приложение к своей “Истории Российской”.

Тексты из ногайских книг издавались в конце XIX в. вместе с книгами крымских и турецких дел. В составлении сборников ПДСМГКНОТ. 1–2 (Сб. ИРИО. Т. 41, 95), а также ПДСМГПЛ. 1–3 (Сб. ИРИО. Т. 35, 59, 71) выдающуюся роль сыграл археограф Г. Ф. Карпов. Его издание посольских материалов по связям Московской Руси с Польско-Литовским государством было продолжено С. А. Белокуровым, который издал ПДСМГПЛГ. 4–5 (Сб. ИРИО. Т. 137, 142. СПб., 1912–1913). Продолжения публикаций ногайских книг не последовало в связи с начавшимися в России военными и политическими катаклизмами.

Полностью рукопись первой ногайской книги была издана на закате советской эпохи Н. М. Рогожиным (ПКСРНО. 1489–1508. М., 1984). Его инициатива приблизила наступление новейшего века издания текстов исторических документов после почти столетнего ограничения этих возможностей советским историческим подходом, превозносившим концепцию перед историческим фактом.

Традиция полного издания источников по дипломатическим отношениям средневековой эпохи была восстановлена лишь в 90-е годы XX века.

Н. М. Рогожин подготовил также полное издание первых трех ногайских книг периодов 1489–1508, 1533–1538, 1548–1549 годов (ПКСРНО. 1489–1549. Махачкала, 1995). Выдающейся исследователь истории Ногайской Орды В. В. Трепавлов опубликовал в 2003 г. посольскую книгу по русско-ногайским связям за 1576 г. из фонда “Боярских и городовых книг” РГАДА (ПКСРНО. 1576). И все же по сравнению с XVIII–XIX вв. в XX и начавшемся XXI в. издано ничтожное количество дел.

Большая часть 8-й и 9–10-я ногайские книги, охватывающие период 1578–1582 гг., не выходили в свет. Не были опубликованы также и ногайские дела в столбцах за 1583–1587 годы. Наиболее крупные хронологические пробелы в ногайских книгах и столбцах XVI в. приходятся на 1509–1533, 1539–1547, 1567–1575 и 1588–1600 годы. С некоторыми пробелами ногайские дела содержатся в столбцах за 1604–1638 гг., но в начале XX в. была издана лишь небольшая часть дел 1604–1612 годов.

Ногайские книги, а также неопубликованные столбцы изучены мной в РГАДА. Из всей массы русских источников они наиболее важны как материалы, содержащие самые подробные данные о Казахском ханстве XVI – начала XVII века. Очень значимы сведения о событиях политической истории казахов в начале XVI в., в трагические для казахов 1537–1538 и 1581–1582 гг., а также ономастические, родоплеменные данные и сведения о кочевьях на территории Казахстана.

В посланиях ногайских правителей в Москву имеются указания на моменты их политических успехов в соперничестве с казахскими ханами (поражения от казахских ханов, напротив, ими часто умалчивались).

Тексты ногайских дел в столбцах периода первой половины XVII в., за исключением того, что успели опубликовать археографы досоветского времени (АВПЦВШ. М., 1914; АВМ. М., 1915; АВЛ. М., 1918), практически неизвестны специалистам. В них преобладают отписки астраханских воевод, расспросные речи, генеалогические и статистические материалы, отражающие широкий спектр политических и этнических связей ногаев (предков современных ногайцев и части казахов до 30–40-х гг. XVII в.)

и ногайцев (современного народа, проживающего к западу от Нижней Волги и в степях Северного Кавказа). Я располагаю частью текстов, не имея в данное время возможности их достаточно полного издания. Эти тексты, помимо истории самих ногайских улусов на территории Казахстана первой трети XVII в., содержат неизвестные исследователям данные по Казахскому ханству времени правления Есим-хана (1598–1628 гг.) и последующих лет. По XVII в. имеется также значительное число документов на языке оригинала. Насколько мне известно, ни один подобный текст еще не был издан. Но они, конечно, в отличие от переводных, не включаются в понятие “русские источники”.

Из-за досадных искажений в публикациях XVIII–XIX вв. исследователи не обратили внимания на ряд сведений, проливающих свет на политическую историю Казахского ханства XVI века (об этом см.: Исин, 1985; 1988). Небольшая по объему книга № 1 по дипломатическим связям Московского государства с Османской империей, в которую включены материалы с 1512 по 1564 г., содержит в текстах 1521 г. уникальные сведения о Казахском ханстве: сообщения о смерти Касым-хана зимой 1520/1521 г. (вестевое сообщение осведомителя З. Зудова из Астрахани, доставленное в Москву в июне 1521 г.), желании Москвы узнать о новом правителе казахов и его кочевьях, борьбе за престол в Казахском ханстве после Касыма. Одни лишь эти сведения выдвигают на первый план материалы о связях с Османской империей вместе с материалами о Ногайской Орде и Крымском ханстве. Фрагменты из книги № 1 по связям с Турцией публикуются по рукописи книги. Некоторые фрагменты отобраны из материалов о дипломатических связях Московской Руси с Персией по публикации Н. И. Веселовского (ПДТСМГП. 1–3. СПб., 1890–1898).

Посольские книги по связям Московского государства с Польско-Литовским государством, Швецией, Англией и некоторыми другими европейскими странами содержат спорадические сведения по истории взаимоотношений Москвы и Казахского ханства. До конца XX в. эти книги также не привлекались для изучения истории Казахстана. Хотя они не вносят ничего

принципиально нового по своим сообщениям (за исключением лет, представляющих хронологический пробел в ногайских и крымских документах), но интересны как официальная трактовка Москвой событий на Востоке, как своеобразная подача этих событий для европейских стран. В них идет речь прежде всего о подчинении ногаев, разгроме Сибирского ханства, принятии “под руку” московского государя “Пегой Орды”, “колмаков”, “Казацкой Орды”, что было явным преувеличением дипломатических успехов Москвы на Востоке в конце XVI века.

Ряд фрагментов этих дел, касающихся истории казахов, публикуются по печатным изданиям XIX века. В связи с краткостью сообщений в данном случае не было необходимости обновлять их публикацию на рукописях посольских книг.

Среди материалов по межгосударственным связям Московской Руси особняком стоит Литовская метрика, составленная в Польско-Литовском государстве по иным, в отличие от Москвы, традициям ведения дел и объединения документов. При публикации небольших фрагментов из Литовской метрики критически учтен опыт варшавского издания документов 1881 г. (Pu³aski, 1881) и Санкт-Петербургского издания Литовской метрики (РИБ. Т. 27. СПб., 1910).

Фонды Сибирского и кратковременно существовавшего (до 1637 г.) Казанского приказов дают обширный материал по истории взаимоотношений Московского государства с восточными народами на протяжении XVII века. Материалы фондов широко использовались при составлении четырех сборников документов по русско-монгольским отношениям, в выпуске которых в свет очень большую кропотливую работу проделала Г. И. Слесарчук (РМО. 1607–1636. М., 1959; РМО. 1636–1654. М., 1974; РМО. 1654–1685. М., 1996; РМО. 1685–1691. М., 2000). Некоторые части этих документов, преимущественно из фондов калмыцких, зюнгорских (джунгарских) дел и Сибирского приказа, касающихся истории казахов и Казахстана, с археографическими особенностями издания также включены в настоящий сборник. В данном случае отпадает необходимость делать к ним широкие текстологические примечания, однако комментарии по содержанию документов были написаны заново.

Публикация полных текстов посольских документов и материалов Московского государства XV–XVII вв. осуществляется российскими археографами и историками. Наиболее значительные подборки выпущены в сборниках Императорского Русского исторического общества и серии “Русская историческая библиотека” в конце XIX — начале XX века. С учетом новейших требований археографии предпринимаются лишь первые шаги по публикации текстов.

Издание этих текстов в том объеме, в каком они дошли до нас, означало бы выход за пределы тематики данного документального десятитомника. В первый том включены многочисленные, часто фрагментарные, но законченные в смысловом отношении, выдержки из текстов посольских книг и столбцов. Сюжеты, где имеется связь казахстанской тематики с другими процессами, также включаются в отобранные тексты.

Основу тома составляют документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Тексты публикуются по рукописи и вышедшим в свет вариантам с необходимыми в них исправлениями, в том числе с уточнением дат, новыми разбивками слов на предложения. Это обусловлено тем, что публикаторы в конце XVIII и в XIX в. использовали стиль весьма длинных предложений с применением такого излюбленного средства, как череда точек с запятыми. Такие предложения не характерны для стиля деловой документации позднесредневековой Руси. В ряде случаев это не только затрудняет восприятие текста, но и привносит смысловые ошибки. Неизбежными были многочисленные опечатки и неверные прочтения.

При публикации сочтено целесообразным не разрывать комплекс документов Посольского приказа, а оставить его в том виде, в каком он был сформирован на протяжении XVI–XVII веков. Поэтому фактически отдельные документы, переписанные в посольскую книгу, фигурируют как части одного документа определенной хронологической группы. Это обуславливается двумя обстоятельствами: 1) отсутствием оригинала самого документа и имеющимся содержанием документа на языке оригинала или в переводе в том виде, как он был воссоз-

дан при формировании комплекса. В данном случае текст в посольской книге или столбце выполняет роль подлинника и является им; 2) зачастую отсутствием времени написания документа, поэтому даты приезда или отправления посланников, указанные в посольских книгах, являются базовыми. При этом соблюдена сложившаяся в России археографическая традиция публикации средневековых текстов, в которую вносятся лишь изменения для облегчения восприятия публикуемого материала. С этой целью введены и внетекстовые подзаголовки, которые указывают на структуру документального комплекса. Стремясь сохранить и некоторые другие археографические традиции, не поддерживаю и осовременивание названий устоявшихся документальных комплексов – посольских книг, которые (в отличие от дел) всегда обозначались исследователями литерами и сокращенно: “кн.”

Тексты материалов фондов Сибирского и Казанского приказов XVII в. приводятся в основном по их передаче в новейших публикациях, с сохранением археографического канона, сформированного публикаторами второй половины XX века. Небольшие изменения касаются способов отображения отдельных слов и названий, переосмысления текста с целью устранения искусственно созданных громоздких предложений.

Одна из главных особенностей данного документального сборника – первая публикация целой серии документов, преимущественно 1578–1581 и 1613–1639 гг., из фонда Ногайских дел РГАДА.

Несмотря на довольно большой объем сборника, в него не удалось включить целый ряд выявленных документов, для обработки которых необходимо более значительное время. В других случаях воспрепятствовали технические причины, ограниченные возможности получения полных копий документов из-за рубежа. Остались еще неизученными полные материалы ряда фондов. Считаю возможным в дальнейшем выпуск второй части сборника, необходимого для устранения хронологических пробелов, особенно по второй половине XVII века. Работа над повышением качества публикаций текстов также должна быть продолжена.

В том не вошли летописные тексты XVI–XVII вв., которые планируется издать отдельно, записи таможенных книг сибирских городов, имеющиеся генеалогические и статистические списки по данному периоду, записки путешественников, которые можно выпустить отдельно или объединить в другом сборнике. Восточные тексты из русских архивов также требуют особого издания.

* * *

Необходимо дать некоторые понятийные осмысления при публикации документов. При внетекстовом обозначении разного рода документов, там, где это было возможно, частично используется терминология текстов (*приезд, отпуск, посол, гонец, посланец, наказ, речи, расспросные речи, список вестей, статейный список, приговор, сын боярский, служилый татарин* и др.). Но там, где необходима конкретизация материала и его частей, используется более дробная, местами современная, терминология. Из-за очень большого числа документов, обозначенных в средневековом посольском делопроизводстве общим термином “грамота”, пришлось выделить среди них такие обозначения, как *послание* (письменная грамота одного правителя к другому), *повеление* (грамота к зависимому, подчиненному, исполнителю), *донесение, вестевое сообщение, запись, отчет* и другие. Название, обозначенное как “память”, там, где по содержанию оно представляет собой инструкцию или напоминание, объединено с родственным и более понятным современному человеку названием “наказ” с применением последнего, тоже старого, термина. Термину “речь” в ряде случаев дана конкретизация: *подготовленная речь* (образец речи), *произнесенная речь* (выступление), *устное сообщение, рассказ*.

Разграничения понятий “посол” и “посланник”, “посланец” и “гонец”, “человек” не делаются, в частности, из-за нечеткости значений этих терминов в самих текстах. Различия между работниками дипломатической службы Русского государства проводились чаще не по выполняемой дипломатической работе, а по социальному происхождению. К примеру, *сын боярский* обозначается как *посол, служилый человек – гонец*, отдельно фигуриру-

ют в дипломатической службе термины *служилые татары* и *казаки*.

При выборе одного из нескольких вариантов написания ногайских и казахских имен и старинных титулов, в т. ч. в современной исторической литературе, за основу взято их неискаженное народное произношение. По такому пути идут современные исследователи В. В. Трепавлов, И. В. Ерофеева. В. В. Трепавлов, к примеру, впервые пишет приблизительно к оригиналу и народному произношению “Саид-Ахмед”, “Дин-Ахмед” вместо привычных по источникам “Шидяк”, “Тинехмат”. Это делается в целях возможной унификации написания и произношения имен в русской и переводной восточной традициях. И. В. Ерофеева, в частности, взяла за основу вариант написания “кожа” применительно к духовному сословию казахов-кочевников XVII–XIX веков. Такой подход принят с учетом времени, материала, региона. К примеру, разноречивые в русских источниках “мырза”, “мирза”, “мурза” во внетекстовой передаче настоящего сборника взяты в варианте “мурза”, в форме, более устоявшейся в исследовательской литературе. Имена и титулы других этнических сред, кроме ногайской и казахской, оставлены в традиционном написании или произношении, если только они сильно не искажены. Все сказанное относится, конечно, к внетекстовым материалам сборника, так как сам текст воспроизводится в изначальном виде во всех его фонетических и палеографических деталях.

Термины “Московская Русь”, “Московское государство”, “Московия”, “Русское государство” применяются как равнозначные понятия, так же как “Казахская Орда” и “Казахское ханство”, “Ногайская Орда” и “Ногаи”, “Ногай” (там, где это звучит в смысле названия страны, а не этноса), “Большая Ногайская Орда” и “Большие Ногаи”, “калмыки” и “калмаки”, “калмыки” и “ойраты” (до разделения западномонгольского общества на калмыков и джунгар). В текстах встречается еще большее число равнозначных обозначений государств и стран с различными к тому же вариациями.

* * *

Тексты публикуются в соответствии с “Правилами издания исторических документов” (М., 1990) и учетом опыта издания материалов подобного рода.

В документах ставится лишь минимум знаков препинания (в основном, запятые и точки). Дефис между именем и титулом не употреблен, в том числе потому, что в средневековых текстах между ними зачастую присутствуют вставные слова (“деи”, “де” и другие). Прямая речь передается после двоеточия без кавычек, с прописной буквы, а раскрывающие содержание сказанного обороты – со строчной. В том и другом случаях в средневековом тексте присутствуют вставные слова (“деи”, “де”, “государь” и др.). Сокращенные в рукописи слова (например, “цр” – “царь”, “кнз” – “князь” и др.) приводятся полностью. Вышедшие из употребления в XX в. в общепринятом письме буквы заменяются соответствующими современными. “Ять” в конце слова не ставится. Там, где она не выполняет разделительную функцию в середине слова, “ять” также не проставляется. После мягких выносных букв с учетом аналогов написания ставится мягкий знак, а после выносной буквы “г” в словах “того”, “нашего”, “своего” добавлена недостающая буква “о”. Дифтонгированный “и” печатается как “й”, но там, где есть предположения о долгом произношении звука, его вариант рукописного написания оставляется. Принцип не удается соблюдать в текстах, публикуемых на основе более поздних списков. Это касается различных форм написания слова “Руси” и “Русии” (более употребительного в текстах), мягкого знака после “л” и щипящих. Различные написания, в том числе ошибочные, даются без изменений. Явные описки оговариваются в примечаниях. Несомненные пропуски букв в словах или слов восстанавливаются в квадратных скобках. В них же помещен и восстановленный или могущий быть восстановленным текст без вставных, повторяющихся слов. Перенос слова избегается.

Имена и географические названия переданы без изменений, даже если имеются варианты их написания. Правильные или современные их написания даются в заголовках, указателях и комментариях.

Русские цифры в тексте заменены арабскими. Разбивка текста на слова и предложения дана с учетом опыта подобного рода публикаций.

Там, где оказалось невозможным указывать каждый лист документа, в сносках указывается пагинация всех частей документов одной хронологической группы.

Пропуски текста отмечены многоточием в квадратных скобках. Содержание ряда опущенных фрагментов поясняется, если в них хоть как-то присутствует тематика сборника или это важно для понимания документа, за исключением случаев, когда публикуется только небольшой фрагмент текста. Не даются пояснения к пропускам текстов, публикация которых базируется на документальных сборниках второй половины XX века, в которых даны достаточно полные текстологические примечания.

Заголовки и подзаголовки документов введены составителем. Оригинальные заголовки самих текстов, если они имеются, в тексте никак не выделяются, кроме отдельного предложения в абзаце. Все слова, набранные курсивом, если они не взяты в кавычки, – внетекстовые. Слова, набранные в примечаниях прямым шрифтом, – текстовые.

Оговаривается датирование текстов, когда это осуществлено составителем. Дата от “сотворения мира” в тексте не поясняется, если она в переводе на христианское летосчисление указана в заголовке документа. Переводы других дат даются. Дни оставлены по юлианскому календарю.

Текстологические примечания приводятся подокументно в сквозной нумерации, комментарии в целом к документу, иногда объединенно, – после текстов. Для удобства нахождения комментария к документу и работы с ним указывается дата документа.

Работа снабжена необходимыми указателями и списками.

Публикуемые материалы способны значительно пополнить источниковую базу изучения истории Казахстана XV–XVII веков.

Иллюстративный материал подобран И. В. Ерофеевой, указатели составлены М. Сатеновой.

Считаю своим долгом выразить благодарность заместителю директора Российского государственного архива древних актов (РГАДА) И. А. Балакаевой, и. о. ведущего специалиста РГАДА Е. Нестеровой, первому секретарю Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации Б. М. Досанову, коллегам из Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова.

А. И. Исин